

НОВЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Если в «государевом дворе» место князя Василия Рыбина Пронского не было особенно высоким, то совсем иное следует сказать о Костромском уезде, где располагались его владения и где он нес службу. В списке детей боярских по Костроме Василий Рыбин Пронский стоял первым. Это дает основание видеть в нем одного из предводителей местного дворянства и заставляет думать, что при составлении челобитья об отмене опричнины костромские дети боярские сыграли не последнюю роль.

У костромских детей боярских были особые основания для недовольства новым режимом. По свидетельству Курбского, после устранения от власти Адашева и Сильвестра царь «начал сродников Алексеевых и Силивестровых писати имена, и не токмо сродных, но... соседов знаемых». Затем он этих людей «имати повелел и мучити различными муками, а других множайших от имений их и от домов изгоняти в далние грады». Добрый костромской род Ольговых, к которому принадлежал Адашев, был связан с другими костромскими родами самыми разными родственными и соседскими связями, поэтому круг людей, подвергшихся гонениям, оказался достаточно большим. Некоторые из родственников Адашева были казнены, многие костромские дети боярские отправлены с ростовскими и ярославскими князьями в казанскую ссылку.

Все сказанное объясняет, почему в ответ на челобитную земских детей боярских царь решил включить в состав своего «удела» Костромской уезд. В феврале 1567 года начался вывод оттуда местных землевладельцев. Сообщая в своем «Послании» об этом новом переселении детей боярских, Таубе и Крузе отметили две особенности, отличавшие его от переселений более раннего времени. Во-первых,

на сей раз уезд должна была покинуть бóльшая часть местных землевладельцев. Именно с этого времени в документах появляются упоминания о тех, кто переселен «с городом вместе, а не в опале». Вторых, если ранее переселение совершалось «с соблюдением некоторых приличий», то теперь переселявшиеся «должны были тронуться в путь зимой, среди глубокого снега», а «если кто-либо из горожан в городах или крестьян в селах давал приют больным хотя бы на один час, то его казнили без всякой пощады». Так, не налагая формально на костромичей своей «опалы», царь жестоко покарал их за участие в подаче челобитной об отмене опричнины.

С начала 1567 года территория опричного «удела» начала расти. К концу года в опричнину были взяты земли Боровского уезда, которые не вошли в княжество Владимира Андреевича, а также принадлежавшая ранее двоюродному брату царя Старица. Позднее Старица стала одной из любимых резиденций Ивана IV. В 1568/69 году в опричнину была включена и значительная часть Белозерского уезда. В XVII веке вспоминали, что «царь Иван Васильевич изволил белозерских помещиков и вотчинников всех из Белоозера перевести в иные города, а их поместья и вотчины изволил взять на себя государь».

Наконец, «лета 7077 (1569) генваря в 21 день взял царь и государь князь великий Иван Васильевич Ростов град и Ярославль в опришнину». Около того же времени вошло в опричный удел и Пошехонье. Расширяя территорию «удела», царь укреплял и увеличивал преданное ему опричное войско и ослаблял положение недовольных его правлением. Не случайно свой рассказ об опричных переселениях немец-опричник Штаден заключал словами: «Так убывали в числе земские бояре и простой люд. А великий князь — сильный своими опричниками, усиливался все более».

Взяв в опричнину Ростов и Ярославль, царь в конце концов осуществил тот замысел, который ему не удалось полностью реализовать в 1565—1566 годах. Ростовские и ярославские князья, которых царь не захотел взять в опричнину, должны были окончательно протиться с родовыми вотчинами и превратиться в помещиков в самых разных районах государства. Правда, поместья они теперь получали, как правило, на территории «Московской земли» (многие ярославские князья стали, например, помещиками в Рязанском уезде) и поэтому не были исключены из состава правящей элиты, продолжая входить в состав «государева двора», но их сплоченность, опора их власти и влияния были подорваны. Когда Курбский в 70-х годах XVI века, работая над своей «Историей о великом князе Московском», размышлял о причинах казней и гонений, которые Иван IV обрушил на своих вельмож, он пришел к выводу, что царь губил их потому, что те имели «отчины великие». Представляется, что связь событий была иной: царь отобрал у ростовских и ярославских князей их родовые вотчины для того, чтобы лишить их власти и влияния.

Таким образом, в последние годы шестого десятилетия XVI века десятки и сотни детей боярских с женами и детьми, покидая свои привычные насиженные места, родовые усадьбы и могилы предков, должны были совершать подчас долгие и трудные путешествия в далекие и незнакомые места, где им предстояло заново устраивать свою жизнь. Помимо прямого ущерба, который переселения опричных лет принесли жизни и здоровью такого количества людей, они имели ряд последствий иного рода. Некоторые из этих последствий можно считать результатом сознательной политики власти, другие оказались явно непредвиденными и нежелательными.

Отобранные у не взятых в опричнину землевладельцев земли — родовые вотчины — становились собственностью государя, который раздавал их своим опричникам уже как условные владения — поместья. Не случайно составители писцовых наказов первой половины XVII века предписывали писцам следить за тем, чтобы «которые вотчины у вотчинников иманы в опричнину и раздаваны были в поместья», не захватывались опять прежними хозяевами.

Новые поместья получали на новых местах и перемещенные туда дети боярские. Если царь даже и желал лишить некоторые группы дворянства родовой собственности, то ни он, ни его советники вовсе не собирались лишать земских детей боярских земли и крестьян. Это значило бы в разгар большой и тяжелой войны лишиться главной военной силы — дворянского ополчения. Поэтому государственная власть специально занималась устройством детей боярских на новых местах. Так как опричники, судя по всему, наделялись землей по повышенным нормам, то тех поместий, которые они оставляли, переходя на земли царского «удела», явно не хватало для наделения всех высланных. Поэтому для наделения детей боярских стали использоваться государственные «черные» земли. Так, в Каширском уезде раздавались «черные» земли детям боярским, высланным из Суздаля, костромичам раздавались «черные» земли во Владимирском и Ярославском уездах. Для расширения фонда земель, пригодных для поселения, власть не останавливалась перед тем, чтобы наложить руку и на родовую собственность тех детей боярских, которые продолжали жить в «земских» уездах и которых опричные переселения как будто никак не затрагивали. Так, в 1567/68 году в Рязанский уезд был послан писец Степан Иванович Колединский, который «отписал» у местных вотчинников половину их земель и роздал их в поместья «иных городов веденцом», то есть переселенцам. Власть явно заботилась о том, чтобы дети боярские были наделены поместьями и могли нести службу.

Что касается отобранных у переселенцев вотчин, то здесь положение выглядело иначе. По букве царских указов за такие вотчины полагалась компенсация. Известен целый ряд случаев, когда сын боярский получал новую вотчину взамен утраченной. Но государство

об этом не заботилось, компенсация не предоставлялась механически, ее поиск был делом самого владельца. Костромичи, уже устроившиеся в новых поместьях, все еще выражали надежду, что царь «в прииск где против тое вотчины пожалует нас». В другом документе переселенцы упоминали, что царь «велел против тое вотчины в ыных городех дати, где приищем».

Все это, конечно, не было случайностью. Проводя такие масштабные переселения детей боярских, правительство явно ставило своей, может быть, дополнительной, но важной целью уменьшение удельного веса вотчинных родовых и увеличение удельного веса поместных земель, верховная собственность на которые принадлежала государству. Раздачи «черных» земель помещикам ясно показывают, что царь вовсе не собирался лишиться свое дворянство земли и крестьян, но он хотел, чтобы на этих землях сидели послушные исполнители его воли, а такого послушания и повиновения было гораздо больше оснований ожидать не от владельца старинной родовой собственности, а от помещика, который легко мог лишиться своего владения за любую служебную провинность.

Вместе с тем то беззастенчивое обращение с наследственной родовой собственностью, которое все более энергично позволяла себе власть в годы опричнины, привело к созданию у детей боярских — вотчинников общего ощущения нестабильности и необеспеченности. Люди стали задумываться над поисками каких-то гарантий, которые исключали бы угрозу внезапной утраты всего родового достоинства. В России опричного времени такой единственной гарантией казался монастырь — обиталище царских богомольцев, на достояние которых благочестивый царь не покушался. Отсюда желание все большего количества людей найти в одной из этих обителей приют и защиту. Люди передавали монастырю свои земли, а взамен либо получали право пожизненно пользоваться своей бывшей землей и доходами с нее, либо, постригшись в монахи, находили себе приют в стенах обители. Со второй половины 60-х годов XVI века владения монастырей стали быстро расти за счет родовых владений бояр и детей боярских. Это было явно непредвиденным и нежелательным последствием перемен. Царь и его советники, занятые другими делами, не обращали серьезного внимания на происходящее, и лишь в конце своего правления Иван IV стал принимать меры против роста владений церкви.

Все эти перемещения имели еще один важный объективный результат. Как уже неоднократно говорилось на страницах этой книги, основу вооруженных сил государства составляло дворянское ополчение. Оно формировалось из отдельных отрядов — так называемых «сотен», в которых объединялись дети боярские того или иного уезда. Боеспособность ополчения напрямую была связана со сплоченностью и организованностью входивших в его состав отрядов. В свою

очередь, эта сплоченность достигалась благодаря существованию разнообразных связей между детьми боярскими уезда, практике совместной длительной службы. После опричных переселений привычные связи оказались нарушенными. В составе дворянских «сотен» теперь часто служили вместе люди незнакомые и раньше друг с другом никак не связанные. Все это не могло не сказаться отрицательным образом на боеспособности армии. Как представляется, царь и его советники (некоторые из них, как, например, Алексей Данилович Басманов, были опытными военачальниками) не могли не видеть этих отрицательных последствий своих действий. Но для них было более существенно, что уездная дворянская корпорация, утратив свое традиционное единство, становилась неспособной противостоять политике власти и предъявлять ей какие-то требования, как это произошло в 1566 году.

Другой важной чертой опричного режима начиная с 1567 года стало резкое усиление террора.